

АЛЕКСАНДРА
ДЕВИЛЬ

СУЖЕНЫЙ
МАРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
Д25

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Ольга Рудницкая*
Художник *Татьяна Коровина*

ISBN 978-966-14-1654-2 (PDF)

© Кравченко А. П., 2008
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», из-
дание на русском языке,
2009, 2011
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», ху-
дожественное оформле-
ние, 2009

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Если вас увлекла история героев романа «Оберег волхвов», в романе «Суженый Марии» вы можете встретиться с ними и их уже взрослыми детьми. Здесь в центре драматических событий — юная Мария, младшая дочь Анны и Дмитрия. Она мечтает о любви, но ее подстерегают подлость и обман, с помощью которых девушку удастся выманить из родного дома и увезти далеко от Руси, охваченной княжескими междоусобицами. Но и в других краях нет мира. Через Византию движутся на восток отряды рыцарей-крестоносцев. Один из этих рыцарей спасает Марию от ненавистных ей похитителей. Он похож на героя ее снов, но в его судьбе есть некая тайна, разделяющая их с Марией...

Впрочем, не буду рассказывать обо всех приключениях, выпавших на долю юной красавицы. Ведь как бы ни была причудлива фабула романа, главное в нем — чувства и отношения героев, которые, собственно, и становятся движущей силой сюжета.

Действие разворачивается в 1147—1148 годах.

1147 год — год начала Второго крестового похода, год основания Москвы, год убийства в Киеве непопулярного князя Игоря Ольговича и обострения княжеских междоусобиц. Свой последний период единства Древняя Русь пережила при Владимире Мономахе и его старшем сыне Мстиславе (этот период отражен в романе «Оберег волхвов»), а уже в «Суженном Марии» видим Русь, охваченную междоусобицами. Распри древнерусских князей привели к тому, что скоро Русь распалась на отдельные княжества и впоследствии не смогла противостоять татаро-монгольскому нашествию.

Судьбы главных героев романа переплетаются с историческими событиями, на их пути порой встречаются знаменитые личности — такие, например, как Альенора (Элеонора) Аквитанская, одна из ярчайших женщин в истории средневековой Европы. Она дважды была королевой — вначале Франции, затем, после развода с Людовиком VII, — Англии. Это о ней слагали песни провансальские трубадуры, о ней написана английская баллада «Королева Элинора», о ней поставлен знаменитый англо-американский фильм «Лев зимой», в котором уже пожилая королева борется со своим вторым мужем, английским королем Генрихом Плантагенетом, за то, чтобы корона досталась ее любимому сыну Ричарду

Львиное Сердце. Существует предание, что, будучи королевой Англии, Альенора Аквитанская с большим почетом принимала послов из далекой Руси. Почему бы не предположить, что в молодости, путешествуя с крестоносцами на Ближний Восток, она уже сталкивалась с русичами и составила о них благоприятное мнение? Именно такая встреча двух средневековых культур — западноевропейской и восточнославянской — происходит на страницах романа «Суженый Марии».

Вообще мне хотелось показать в романной диалогии о Древней Руси связь русичей со всем евразийским ареалом, на который распространялась цивилизация того времени. А еще хотелось немного отойти от устоявшихся традиций изображать Средние века исключительно мрачным временем, заселенным одними только полуголодными крестьянами и тупыми монстрами-феодалами. Ведь, как считают некоторые ученые (в частности, французский историк Режи́н Перну), Средние века нельзя воспринимать столь упрощенно. Это было время, когда по всей Европе воздвигались прекрасные соборы, как православные, так и католические, при монастырях создавались школы, на основе которых впоследствии возникали университеты и академии, появлялись летописи, поэтические былины, иконная живопись. Войны и террор не были исключительным уделом людей той эпохи. Люди так же жили, как и в другие времена: любили, ненавидели, интриговали, путешествовали, строили, торговали. Как сказала в финале романа Анна: «Слава Богу, жизнь продолжается, и никакие войны и раздоры ее не остановят». В «Суженом Марии» любовь противостоит войне и возвращает человеку родину, свое «я», свои корни.

И мне бы очень хотелось, чтобы моим современникам была интересна эта романтическая история любви и борьбы за свое счастье, происшедшая в другом времени, колорит которого я почувствовала сама и старалась передать вам, дорогие книголюбы.

*С уважением,
Александра Девиль*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕВУШКА ПОД ПРИСМОТРОМ

Апрель 1147 года был на исходе; солнце жарко пригревало, свежая зелень радовала глаз, в монастырском саду белой кипенью цвели вишни. День выдался таким пригожим, что Мария не утерпела, прошла от Феодоровского монастыря к обрывистому берегу Днепра, чтобы полюбоваться чудесным видом, открывавшимся с высоты. Речные острова широко раскинулись среди сияющей на солнце водной глади, правобережные кручи причудливыми террасами спускались к реке, а над ними царил храм Владимира Великого, воздвигнутый на месте некогда поверженного Перуна.

Но долго гулять по берегу девушка не могла: надо было возвращаться домой, чтобы родители не сердились. Они посылали Марию в Феодоровский монастырь с поручением к иконописцу отцу Феофану, который был давним другом ее родителей — Дмитрия Клинца и Анны, урожденной боярышни Раменской.

По дороге домой девушка сделала небольшой круг, чтобы пройти мимо Софийских ворот, где надеялась встретить одну из своих подружек. Но ни Янки, ни Сбыславы поблизости не оказалось, зато на площади перед Софийскими воротами Мария увидела приметную компанию молодых иноземцев. По их расшитым хитонам и длинным плащам византийского покроя, а также по ровно подстриженным бородкам, обрам-

лявшим молодые смуглые лица, она догадалась, что эти заезжие молодцы — греки, а не латиняне, ибо у последних лица были бритые, а плащи — короткие.

Иноземцы оживленно переговаривались, поглядывая по сторонам. Главным среди них явно был тот, что стоял в центре, — не самый красивый и высокий, но державшийся с большим достоинством. Мария услышала, как кто-то из его свиты произнес имя «Андроник» — и сразу все поняла. Конечно, эти молодые люди прибыли на Русь, сопровождая своего предводителя — Андроника Комнина, двоюродного брата нынешнего императора Мануила. Девушка знала из рассказов старших, что этот самый Андроник, человек весьма самоуверенный, не поладил со своим царствующим родичем и уехал на чужбину искать удачи при других дворах. Еще говорили, что вряд ли он задержится на Руси, где жить опасно из-за княжеских распрей и где никакой выгоды для себя, никакой поддержки в притязаниях на византийский трон Андроник не найдет.

Молодые греки заметили Марию и уставились на нее с начальными улыбками. Среди них двое или трое показались девушке очень красивыми и молодцеватыми. Их пристальные, откровенные взгляды смущали и волновали Марию, заставляя ее невольно краснеть. Потом один из красавцев выкрикнул несколько слов по-гречески. Другие засмеялись. Вряд ли они подозревали, что славянская девушка знает греческий язык. А между тем получившая немалое образование Мария хорошо поняла смысл сказанного византийским щеголем: он предположил, что тело юной незнакомки столь же прекрасно, как и ее лицо, да только слишком строгая одежда русов его полностью скрывает. А другой грек изъявил желание пощупать, насколько нежна белая кожа красавицы.

Тут уж Мария не смогла больше оставаться на месте; выкрикнув удивленным грекам, что считает их наглецами, она бросилась бежать прочь от опасной компании в сторону Улебова двора, где всегда можно было найти защиту. Впрочем, Мария не столько боялась греков, которые, конечно, не по-

смели бы напасть на нее прямо на улице, сколько злилась на саму себя. Она вдруг почувствовала, что мужские взгляды и дерзкие слова взволновали ее, заставили ощутить собственное тело, к которому столь откровенно потянулись эти красивые, образованные и, наверное, опытные в любви иноземцы.

Убегая, Мария едва не споткнулась, перехваченная за локоть чьей-то цепкой рукой. Вздвогнув и подняв глаза от земли, она увидела жирное, красноватое лицо с мясистым носом, редкой бородкой и масляно блестящими глазами. Это лицо принадлежало пожилому мужчине с короткими ногами и большим животом, толщину которого не мог скрыть пышный греческий наряд. В первую секунду Мария подумала, что этот почтенный толстяк — тоже из свиты Андроника Комнина. Но тут старый грек заговорил, и девушка поняла, что ошиблась.

— Прости, юная госпожа, — сказал он на ломаном киевском наречии, — но я хочу предложить тебе свое сопровождение. Меня зовут Зоил Оксивант, я известный ромейский купец. Не бойся этих невеж из окружения Андроника. Хотя, возможно, тебе они нравятся?

— Можешь говорить по-гречески, господин, я училась в монастырской школе, — сухо ответила Мария. — А сопровождать меня не надо, мой дом недалеко.

— О! При такой красоте еще и ученость! — удивленно воскликнул Зоил Оксивант.

Из-за его спины показался невысокий поджарый человек лет сорока и с любезной улыбкой заметил:

— Еще бы дочери Дмитрия Клинца не быть образованной! На хорошем дереве — достойный плод. Приветствую тебя, госпожа.

— Ты счастливее меня, Хрисанф, — оглянулся старый грек на своего помощника. — Ты знаком с семьей этой славянской Афродиты, а я — нет.

— Я не знаком с этой уважаемой семьей, но наслышан...

Не желая продолжать разговор и принимать навязчивые услуги Зоила, Мария, резко дернувшись, высвободила ло-

коть из его цепких пальцев и устремилась прочь. Застыв на месте, Оксивант провожал пристальным взглядом ее высокую тоненькую фигурку. Переходя через лужу, оставленную вчерашним дождем, девушка невольно приподняла юбку, и старый грек заметил щиколотки ее стройных ног. Перед тем как свернуть за угол дома, Мария на секунду оглянулась. Ветер откинул волосы ей за плечи, обнажив лебединый изгиб нежной шеи.

— О мой Бог! — воскликнул Зоил, хватаясь за низ живота. — Хрисанф, это просто чудо! Я ощутил, как мои уснувшие чресла пробуждаются при одном взгляде на эту северную нимфу!

— Я же говорил тебе, что женщины русов весьма соблазнительны. Видишь? Здесь ты не только выгодно продал свой товар, но и, кажется, излечился от мужского бессилия. А еще не хотел ехать: дескать, холодно, опасно, дикая Скифия, кочевники, грызня между архонтами. Теперь не жалеешь? Даже искуснейшие куртизанки не смогли бы возбудить тебя лучше, чем эта невинная девица.

— О, Хрисанф, она совсем не так невинна, как выглядит! — воскликнул старый сластолюбец, закатывая глаза. — Ты заметил, как она смотрела на тех вертопрахов из компании Андроника? В ней много страсти, гораздо больше, чем кажется с виду. Она еще и сама не подозревает, какой обольстительной гетерой может быть! Страсть спит в ней, готовая каждую минуту пробудиться, нужно только прикосновение...

— Но беда в том, дорогой патрон, что пробуждаешь в ней страсть не ты, а молодые красавцы, — усмехнулся Хрисанф. — Впрочем, это неважно. Главное, что ты снова почувствовал себя мужчиной. Ты ведь этого хотел?

— О нет, Хрисанф, минутного ощущения мало, — воскликнул Зоил, хватая помощника за рукав. — Если я не добуду эту девушку, моя бедная плоть снова станет бессильной. И неважно, что красавицу возбуждают лишь молодые щеголи. Главное, что она способна возбудиться! Когда она отведала твоего волшебного зелья, то я, старый Зоил, покажусь

ей прекрасным Аполлоном! Ведь твои юнцы от этой травки станут бешеными, эге? — Зоил осклабился и окинул своего спутника с ног до головы насмешливым взглядом.

— Неужели ты всерьез надумал сделать Марию, дочь Клинца, своей наложницей? — спросил Хрисанф без тени улыбки. — Пустая и опасная затея. Я много слышал об этой семье, когда жил в Херсонесе. Да и здесь, в Киеве, как-то раз наблюдал одну сцену, из которой сделал вывод, что с Клинцами лучше не ссориться. Такие девушки, как Мария, становятся женщинами только после венчания. А тому, кто попытается оскорбить ее девичью честь, не сносить головы.

Зоил поморщился от досады и, топнув ногой, воскликнул:

— Да я бы с радостью женился на ней, но что же мне делать, если я давно женат?

— Смирись, ищи себе другую девушку, более доступную, которая прельстится на твое богатство. Здесь, на Руси, красавиц много.

— Мне нужна только эта, — упрямо заявил старый купец. — И я добуду ее любой ценой. Разведусь, заставлю свою каркающую ворону Ипполиту постричься в монахини... Увы, я даже готов отравить ее, если не согласится на развод...

— Побойся Бога, патрон, что ты задумал? — скрывая улыбку, спросил помощник. — Даже если избавишься от Ипполиты, это ничего тебе не даст. Клинец не станет принуждать дочку идти замуж против ее желания. А чем ты сможешь прельстить молодую красотку? Подумай трезво.

— А это уж твоя забота — подумать! — заявил хозяин. — Ты ученый малый, хитростью лису превзойдешь. Если бы не твой несчастный порок, был бы уже епископом, а то и митрополитом. Вот и подумай, как помочь своему благодетелю, то есть мне. Ведь я же тебя из беды выручил? Я тебе дал пристанище? Я твои грехи от людей скрываю?

Хрисанф кивнул, слегка поджав губы.

— Так вот, — продолжал Зоил, — отплати мне, дражайший, за мои благодеяния. Помоги обрести радость на закате жизни. Много ли мне, старику, осталось? Добудешь Ма-

рию — клянусь, что отпишу тебе в наследство мое фракийское имение, да еще сотню номисм¹ в придачу. Не веришь? Сегодня же дам расписку. Ну а если не поможешь, то с какой стати я буду и дальше тебя опекать? Тогда живи, как знаешь. И письмо от таврийских монахов не стану прятать. А если его кто-нибудь найдет и узнает, чем ты в монастыре занимался? Может, конечно, в тюрьму ты и не попадешь, отвертись. Но до конца дней своих останешься нищим презренным бродягой, да еще и с редькой в одном месте, хе-хе...

Зоил намекал на позорный способ наказания, коим византийцы карали уличенных в содомском грехе. Хрисанф невольно поморщился, но обижаться не стал, поскольку был уверен, что дальше угроз Оксивант не пойдет. Слишком ценным слугой был всезнающий и ловкий Хрисанф, чтобы Зоил так легко мог с ним расстаться.

Внезапно два всадника промчались мимо, едва не сбив с ног увлеченных беседой греков. Прижавшись к стене и перекрестившись, Зоил пробормотал:

— Опять, наверное, гонцы мчатся к великому князю с известием, что его дядя или двоюродный брат захватили какой-нибудь город. Здесь каждый день можно ожидать войны. — Он вздохнул. — Впрочем, и в империи смутьянов хватает... вроде этого. — Зоил с неприязнью посмотрел в сторону площади, где все еще мелькали пышные одеяния Андроника и его свиты. — Но только у нас, хвала Господу, им не разгуляться. Империя пока едина. Лишь извне враги тревожат. А здесь, на Руси, князьки между собой переругались, растаскивают эту страну на части. Ну, скажи, Хрисанф, — Зоил повернулся к помощнику, — разве юной девушке не будет безопасней у нас, чем в этой дикой и сумасшедшей стране?

— Вряд ли такой довод убедит Марию и ее родителей, — усмехнулся Хрисанф. — Русичи ведь не считают свою родину такой ужасной. Они, видишь ли, почти все от рождения патриоты. Трудно будет увезти отсюда девушку. Однако я по-

¹ Номисма — византийская золотая монета.

думаю, как это сделать. Не надейся на быстрый успех, но месяца через два, пожалуй... если все пойдет, как надо...

Заметив, что двое молодых людей из свиты Андроника направляются в их сторону, и подозревая, что общения с купцом они ищут с целью попросить денег взаймы, Зоил и Хрисанф поспешили свернуть за угол и постучать в дверь дома, где жил знакомый им княжеский тиун.

Тем временем Мария, возвращаясь домой, почти столкнулась на улице с молодым парнем по имени Рагуйло, сыном искусного киевского ювелира-эмальера Василька. Она знала парня с детства, почти так же давно, как и подружек Янку и Сбыславу. Мария никогда не смотрела на Рагуйло как на возможного жениха, подшучивая то над его именем, то над торчащими ушами, которые он старательно прикрывал копной темно-рыжих волос. Между тем подруги давно объяснили девушке, что он по ней «сохнет» и старается отогнать от нее всех возможных женихов. Но она только смеялась и не хотела замечать, что Рагуйло давно уже превратился в статного парня — пусть не слишком красивого и образованного, зато надежного и к тому же хорошего мастера, перенявшего от своего отца умение изготавливать затейливые колты, ожерелья и прочие украшения из золота с эмалью.

— Куда спешишь, Марийка? — остановил ее Рагуйло, преграждая путь.

— Куда же, как не домой? — улыбнулась она в ответ. — Родители велели к обеду не опаздывать. Сегодня мы ожидаем гостей из Новгорода.

— Кого? Должно быть, Шумилу-Калистрата? Твоя мать еще месяц назад заказала для его жены подарок — колты с эмалью. Сегодня они уже готовы.

— Матушка хочет сделать своей подруге приятное. Только вряд ли даже самый лучший подарок утешит Лидию, — вздохнула Мария.

— А что так? У новгородцев какое-то горе?

— Давнее. Такое же, как и в вашей семье. У них тоже когда-то украли сына. Только у твоих родителей остался еще

ты и Воротислав, а у Калистрата и Лидии больше нет сыно-вей. Старший на войне погиб, а младший вот так и не отыскался...

— Да, горе... Матушка до сих пор иногда всплакнет, как вспомнит нашего Лазаря. А отец часто жертвует деньги на поимку злодеев, которые людьми торгуют и детей крадут.

Они немного помолчали, потоптались на месте.

— Ну, ладно, все равно ведь надо надеяться на лучшее, Бог милостив. — Мария грустно улыбнулась. — Красивые получились колты для Лидии?

— Да. И твой перстенок тоже хорош. — Рагуйло преданно посмотрел на девушку своими круглыми голубыми глазами.

— Перстенок? — удивилась Мария. — А разве я его заказывала?

Парень немного обиженным голосом произнес:

— А разве я не могу по собственному разумению сделать тебе подарок?

— Подарки, да еще дорогие, просто так не делаются, — укоризненно сказала Мария. — Ни праздника, ни повода никакого нет, а ты вдруг надумал. С чего бы это?

— А мне и повод не нужен. — Рагуйло слегка покраснел, и веснушки на его лице выступили ярче. — Вот наденешь ты на палец мое колечко — и мне будет казаться, что мы с тобой обручились.

— Дурачок ты, ей-богу, Рагулишка, — засмеялась Мария, шлепнув его ладонью по плечу. — Ведь я с тобой, как с Янкой и Сбыславой, дружила, а ты вдруг женихаться вздумал.

— Так ведь мы уже не дети, чтоб в игрушки-то играть, — обиделся Рагуйло. — Конечно, понимаю, что в женихи тебе я не гожусь. Хоть и благородным ремеслом занимаюсь, а все-таки — простолюдин, не пара дочери купца-боярина.

— Значит, дважды ты дурачок, Рогуша, — укорила его девушка. — Отец у меня сам из простого сословия вышел. А мама, хоть и боярская дочь, никогда спесивой не была. В нашей семье людей ценят не по знатности рода, а по уму и честности.

— Отчего же тогда ты меня высмеиваешь? Отчего даже подумать обо мне не хочешь как о суженом своем?

В словах парня прозвучала искренняя обида, и Мария, невольно пожалев его, сказала:

— Да ты-то ведь тут ни при чем. Я не только о тебе, но и о прочих женихах не думаю, не мечтаю. Не проснулось еще мое сердце. Ты бы лучше на других девушек смотрел, на тех, которые рады выйти замуж. Вот хотя бы Янку возьми. По моему, ты ей нравишься.

— Нет, Марийка, не учи меня. — Рагуйло покачал головой. — Лучше я подожду, когда твое сердце проснется.

— Ну и напрасно. А теперь посторонись, я спешу.

Она кинулась прочь, не желая выслушивать утомительные для нее излияния незадачливого вздыхателя. Но, отойдя на несколько шагов, Марийка невольно призадумалась. Конечно, она лукавила, объясняя Рагуйло, что не помышляет о женихах. В последнее время именно эти мысли волновали ее неотступно. Она жила в странном ожидании волшебного поворота судьбы, внезапной встречи, которая пробудит ее сердце.

Марийка была младшим, поздним ребенком, любимым последышем, родившимся, когда матери было уже тридцать пять лет, а отцу — сорок два. Ее баловали не только родители, но и старшие дети: братья Константин и Андрей и сестра Ольга. Но вместе с любовью и снисходительностью они окружили девочку слишком пристальным, слишком неусыпным вниманием. Пока Марийка была ребенком, эта опека ей даже нравилась, но теперь все больше начинала тяготить. Каждый шаг девушки был замечаем; ее успехи, таланты, подруги подробно обсуждались в семье, а поздние возвращения или одинокие прогулки неизменно вызывали упреки, а иногда и слезы матери. Анна Раменская, помня свою полусиротскую юность, старалась отдавать детям как можно больше любви и тепла, не замечая, что для младшей дочери материнская забота порой становится чем-то вроде нежных оков. Константин и Ольга, хоть давно уже имели семьи и своих детей, тоже не упускали случая поучить младшую сестренку. Что же касается